„Материалах“ указываются: искусный, искусно сделанный, творческий, художник (как существительное), знающий, сведущий, ученый, мудрый, разумный, замысловатый, благопристойный. Не забыто и значение обычное, житейское — „хитрый“, „ловкий“. Только вот что странно и вызывает несогласие: как раз это простое, житейское значение слова „хытрый“ доказывается лишь одним единственным текстом и, как на беду, относящимся именно к Всеславу, о котором и летопись и „Слово о полку Игореве“ держатся общего мнения, что это, дескать, человек отнюдь не простой, не обычный, а волшебник, колдун. Несколько удивляет, что И. И. Срезневский упустил указать, что слово „хытрый“, равно как „хытръ“ и „хитрец“, имеет доказанное, несомнительное значение — „колдун“, „волшебник“, „ведун“, — и при этом не только в древнерусском языке, но и вплоть до наших дней — в изустном народном творчестве, в сказках. В особенности такое значение, повидимому, присуще, когда слово сие выступает в форме субстантированного прилагательного „хытр“, т. е. как в „Слове“ и в некоторых сказках о колдунах и ведьмах.

В древнерусском тексте „Александрии“ египетский царь-волшебник Нектенав добывает престол не битвами и сражениями, а „волховной хитростью“. Неплодная царица Олимпиада просит его, чтобы он „разрешил чрево“ ей „хитростью“ своею, т. е. несомненно чародейством, волшебством, что явствует из всего смысла сказания.

Слишком очевидно сходство между способами, которыми добыли себе престол египетский „хытрец“ царь Нектенав и русский „хытр“ Всеслав Полоцкий, чтобы пренебречь таким сближением! „Сий Нектенав, Египетским странам царь, волховною хитростью и звездочетием царь беше... К бою и рати нейдеше... но на помощь себе имаше волховную хитрость...“ — сказано о царе Нектенаве. Князь же Всеслав, согласно „припевке“ Баяна, есть „хытр“. А добыл он киевский престол не как-либо, а „клюками“: „клюками подпръся“.

Ныне слово „клюка, клюки“ уже никто, кажется, не решается переводить, как переводили в старину — наивно и прямолинейно: клюка — закомлястая изогнутая палка, клюшка и т. д. Нет надобности напоминать здесь о всех заведомых несуразностях, которые проистекали в прошлом из такого прямолинейного перевода слова „клюками“. Однако поучительно будет вспомнить два-три образчика.

Огоновский утверждал, что под „клюками“ следует разуметь здесь „ноги загнутые, кривые“; Кораблев — что Всеслав „поднялся на хитрость в конях“; Мей — „опираяся ходулями, из окна скакнул он к Киеву“; Гербель — „и не клюкой подпираясь, а сев на коня боевого“; Майков — „перегнулся на седле, помчался“; Пожарскому же казалось, что „клюками подперся о кони“ — это значит „самострельными машинами укрепился на лошадях“, и т. д. и т. д.

Это явное нежелание переводчиков полюбопытствовать, в каком значении находим мы слово „клюка“ в древнерусских памятниках, вызвало законное негодование Головина: „К досаде всех переводчиков, — писал он, — Всеслав не употреблял ни самострельных снарядов, ни клюк, ни костылей, чтобы овладеть престолом киевским, а овладел им своими хитростями“.[1]

В наши дни окончательно принят перевод слова „клюками“ как „хитростями, через хитрости“.

---

[1] Цит. по кн.: Е. В. Барсов. „Слово о полку Игореве“ как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. I. М., 1887, стр. 368.